

УДК 820«19/20»
ББК 83.3(4Вел.)5

DOI: 10.31862/1819-463X-2025-5-22-31

5.9.2. Литературы народов мира

КОНЦЕПЦИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО ЖАНРА В ЭССЕ О Д. Г. РОССЕТТИ Т. УОТТС-ДАНТОНА

Н. И. Соколова, А. И. Кузнецова

Аннотация. В статье рассмотрены три произведения Т. Уоттс-Дантона, посвященные его другу Д. Г. Россетти. В первом из них – некрологе, опубликованном после смерти поэта и художника, представлены основные факты его биографии и общий анализ его творчества. Через несколько месяцев Уоттс-Дантон опубликовал эссе «Правда о Россетти», исполненное восторженных оценок поэзии и живописи его друга, а также его личностных качеств. Эссе вызвало резкую критику современников, недовольных стремлением автора утаить негативные черты биографии Россетти. Новое эссе о Россетти Уоттс-Дантона, вошедшее в его книгу «Старые знакомые лица», стало ответом критикам. Автор утверждает свой идеал биографии, которая не должна быть основана на письмах или незначительных событиях реальной жизни. Биография должна быть опубликована спустя тридцать лет после смерти ее героя, чтобы не оскорбить память о мертвых и не лишить покоя живых. По убеждению Уоттс-Дантона, гениальная личность на протяжении всей жизни пишет собственную биографию, выраженную в ее творчестве.

Ключевые слова: некролог, критик, поэт, художник, эссе, биография, письма.

Для цитирования: Соколова Н. И., Кузнецова А. И. Концепция биографического жанра в эссе о Д. Г. Россетти Т. Уоттс-Дантона // Наука и школа. 2025. № 5. С. 22–31. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-5-22-31.

© Соколова Н. И., Кузнецова А. И., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

BIOGRAPHICAL GENRE CONCEPTION IN T. WATTS-DUNTON'S ESSAYS
ON D. G. ROSSETTI

N. I. Sokolova, A. I. Kuznetsova

Abstract. *The article deals with three works by T. Watts-Dunton devoted to his friend D. G. Rossetti. The first of them was the obituary published after the death of the poet and painter. It consisted of the major biographical facts and general analysis of Rossetti's creative work. A few months later Watts-Dunton published his essay "The Truth about Rossetti" full of enthusiastic remarks on Rossetti's poetry and painting as well as his personal qualities. The essay caused scathing criticism of the contemporaries discontented with the author's attempt to hide some negative facts of Rossetti's biography. Watts-Dunton's new essay on Rossetti included in the book "Old Familiar Faces" became an answer to his critics. The author declares his ideal of biography which should not be based on letters or insignificant events of real life. A biography should be published thirty years after its person's death in order not to insult the memory of the dead or deprive the living of peace. A person of genius, in Watts-Dunton's opinion, is writing throughout their life their own biography expressed in their creations.*

Keywords: *obituary, critic, poet, painter, essay, biography, letters.*

Cite as: Sokolova N. I., Kuznetsova A. I. Biographical Genre Conception in T. Watts-Dunton's Essays on D. G. Rossetti. *Nauka i shkola*. 2025, No. 5, pp. 22–31. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-5-22-31.

Поэт, писатель, наиболее известный как литературный критик, стряпчий по профессии Теодор Уоттс-Дантон познакомился с Д. Г. Россетти в Лондоне в 1872 г. Движимые взаимной симпатией, они быстро подружились. Позже Уоттс-Дантон был частым гостем в Кельмскотте, в лондонском доме Россетти, вместе они совершали долгие прогулки по городу.

Их знакомство состоялось в самый тягостный период жизни поэта и художника. Сборник «Стихотворений» («Poems», 1870) Россетти встретил восторженный прием читателей и критиков, но после его второго издания в 1871 г. в «Contemporary Review» появилась статья «Плотская школа поэзии» («The Fleshly School of Poetry») под именем Томаса Мейтленда, под которым скрывался посредственный поэт Р. Бьюкенен. Отметив мастерство Россетти в передаче красок, в умелом сочетании простого и гротескного, Бьюкенен упрекал автора в отсутствии интереса к суровым проявлениям жизни, в случайных рифмах, неудачных, на его взгляд, рефренах, в том, что некоторые стихотворения он нашел лишёнными смысла. Однако главным изъяном «Стихотворений», по Бьюкенену, являлась чрезмерная чувственность, пристрастие Россетти к «плоти» («fleshliness»), что он обнаруживал во всем сборнике, но особенно в первой части «Дома жизни». Россетти, заключал Бьюкенен, будет забыт наряду с другими «ранее известными писателями нонсенса» [1, р. 179], к которым он причислял Скелтона, Донна, Кэрю, Каули. Россетти в ответ отправил в «The Atheneum» статью «Тайная школа критики» («The Stealthy School of Criticism»), в которой доказывал абсурдность обвинений своего противника. Само название статьи служило намеком на попытку Бьюкенена скрыть свое имя, о котором поэт узнал от издателя Эллиса. Это не остановило Бьюкенена, который за несколько месяцев до знакомства Россетти с Уоттс-Дантоном опубликовал расширенный вариант памфлета

в виде отдельной брошюры. Кроме критики произведений, в памфлете содержались откровенные намеки на обстоятельства личной жизни Россетти, которые он хотел бы скрыть. Убедившись, что факт эксгумации тела его жены (с целью извлечения рукописи стихотворений, положенных им в гроб во время похорон в 1862 г.), а также его взаимоотношения с женой У. Морриса Джейн стали достоянием широкой публики, Россетти пережил тяжелый нервный срыв, ставший причиной резкого ухудшения его здоровья, подавленного состояния, страсти к одиночеству, постоянной мучительной бессонницы, от которой он спасался хлоралом, впад в зависимость от этого наркотического средства.

Общение с Уоттс-Дантоном оказалось целительным для поэта и художника. Благодаря присущему ему, по свидетельству современников, «магнетизму – необыкновенному такту и обаянию» [2, vol. I, p. 68] Уоттс-Дантон оказывал благотворное влияние на Россетти, который называл его «лучшим из друзей» (“friend of friends”) [2, vol. 1, p. 68]. Высоко ценя друга как поэта и литературного критика, Россетти прислушивался к его советам, следуя которым мог изменить что-то в рукописях своих стихотворений. У. М. Россетти утверждал, что ему «трудно представить» [3, p. 323], как его брат провел бы последние годы жизни без Уоттс-Дантона. Незадолго до смерти Д. Г. Россетти выразил желание, чтобы Уоттс-Дантон написал его биографию, если этого не сделает его брат Уильям Майкл [2, vol. I, p. 233]. Считая себя обязанным выполнить просьбу Данте Габриэля, У. М. Россетти опубликовал книгу мемуаров и писем в 1895 г., признаваясь, однако, в предисловии, что «брат не может быть лучшим биографом» [3, p. IX]. Но и Уоттс-Дантон считал эту задачу для себя непосильной из-за своеобразия личности Россетти: «Не только из-за уникальности его дарования, – писал он о друге, – но и потому, что характер, который следовало описать, был настолько неопределенным, настолько сложным, даже противоречивым, что трудно было бы найти биографа, который создал бы его портрет» [2, vol. II, p. 34].

Первой публикацией Уоттс-Дантона о Россетти стал некролог, вышедший в номере “The Atheneum” от 15 апреля 1882 г. (смерть Россетти наступила 9 апреля). В начале публикации сообщалось о кончине поэта и художника, наделенного «романтическим воображением» такой силы, с какой не смог бы, по уверению автора, сравниться никто из его современников, как невозможно было бы представить жизни, в больше мере преданной литературе и искусству [4, p. 480]. В традициях некролога автор вкратце обрисовал основные вехи жизни Россетти, упомянув о его рождении в семье итальянского эмигранта, известного дантолога Габриэле Россетти, о его рано проявившихся дарованиях, о его обучении в академии рисунка Кэри, где Россетти не проявил себя прилежным учеником, о влиянии на него Мэдокса Брауна, у которого он стал брать уроки живописи. Между тем талант Россетти, по мнению Уоттс-Дантона, в большей мере обнаружился в поэзии, а не в живописи: «С детства стало очевидным, что он поэт» [4, p. 480]. Критик отмечал, как серьезно относился Россетти к своим стихотворениям, непрестанно совершенствуя готовые тексты. Уоттс-Дантон упомянул и о даровании Россетти-переводчика, связанном с его способностью к симпатии, умением почувствовать характер другого, ощутить родство с ним, что, однако, могло стать причиной вольного обращения со стилем, чего следует избегать в переводах. В некрологе сообщалось и о женитьбе Россетти на Элизабет Сиддал, о рождении их ребенка мертвым, о том, что смерть жены затронула Россетти столь сильно, что он утратил интерес к поэзии: «Подобно Просперо, он буквально похоронил свой волшебный жезл, но лишь на время» [4, p. 481].

Критик отмечал проницательность, остроту ума героя некролога, объясняя склонность друга к затворничеству мучившей его бессонницей, побуждавшей его ограничиться узким кругом близких друзей. Но при этом Россетти отличался способностью высоко ценить достоинства выдающихся современных поэтов и художников, когда не препятствовали этому «жесткие пары хлорала» [4, р. 481]. В заключении Уоттс-Дантон признавался, что ему как другу трудно предаваться воспоминаниям, пообещав написать о Россетти через неделю.

За некрологом следовало анонимное дополнение от журнала, автор которого выражал несогласие с Уоттс-Дантоном в том, что талант живописца уступал дарованию поэта Россетти. В заметке упоминалось о том, что “The Atheneum” с самого начала признал талант Россетти-художника, давая в рецензиях высокую оценку его картинам и рисункам, отмечая их одухотворенность, красоту и выразительность.

Обещание Уоттс-Дантона написать о Россетти было выполнено гораздо позже установленного им срока в одну неделю. В мартовском номере журнала “The Nineteenth Century” за 1883 г. появилось его эссе «Правда о Россетти» (“The Truth About Rossetti”). Само название, по объяснению автора, было продиктовано стремлением, «во-первых, преодолеть некоторые недоразумения в отношении особого значения искусства Россетти, во-вторых, некоторые недоразумения в отношении личного характера Россетти и его значения как человека» [5, р. 404]. Эссе начиналось с общих рассуждений о том, что смерть выдающегося человека неизбежно влечет за собой появление превратных слухов о его личности и творчестве, примером чего для Уоттс-Дантона служат Китс и Э. По. Отметив, что с Россетти его связывали фактически братские отношения, Уоттс-Дантон признается, что трудно было бы найти кого-то, кто смог бы описать характер столь притягательный, оригинальный и противоречивый, «характер Протея» [5, р. 405]. Обладая склонностью к уединению, Россетти был чужд «вульгарного стремления к славе», к соперничеству, он творил «ради собственного удовольствия», и его жизнь больше напоминала жизнь флорентийских художников XIV в., чем жителя Лондона века девятнадцатого. Свои рассуждения Уоттс-Дантон подкрепляет ссылками на восторженные отзывы рецензентов из многочисленных периодических изданий: “The Times”, “Daily Telegraph”, “Atheneum” и других [5, р. 406]. Вопреки собственному утверждению в некрологе, Уоттс-Дантон вступает в полемику с критиками, отмечавшими превосходство Россетти-поэта над живописцем. По уверению Уоттс-Дантона, его друг был столь же «прирожденным художником» (“born artist”), как и поэт [5, р. 407], признавая, однако, что некоторые «механические трудности», с которыми Россетти сталкивался в живописи, объяснялись отсутствием у него полноценного образования. Стараясь быть объективным, Уоттс-Дантон отмечает невосприимчивость Россетти к музыке, уверяя, однако, что это свойственно большинству английских поэтов [5, р. 408].

Уоттс-Дантон категорически возражает против попыток связать творчество Россетти с какой-либо школой искусства (чем объясняется отсутствие упоминания о «Прерафаэлитском братстве» в некрологе). Не ограничивая себя в сравнениях, автор очерка утверждает, что его друг, подобно Тициану и Леонардо, создал собственный стиль в живописи, собственный идеал женской красоты, а его влияние на все проявления английского эстетического вкуса подобно влиянию Дарвина на английскую мысль. В Россетти Уоттс-Дантон видит «сам символ искусства в его отношении к истории и к развитию человеческой души» [5, р. 408].

Между тем портрет Россетти в очерке сочетается с манифестом художественных принципов самого Уоттс-Дантона. В творчестве Россетти критик обнаруживает иллюстрацию собственной концепции, позже изложенной в предисловии к его роману «Эйлвин» ("Aylwin", 1898) и в эссе об английской поэзии «Возрождение чуда» ("The Renaissance of Wonder", 1903). «Возрождением чуда» в «Эйлвине» названо «великое движение», направленное на возрождение человеческой души, начавшееся в поэзии Вордсворта, Скотта, Колриджа и других и «достигшее кульминации в стихотворениях и картинах Россетти» [6, р. 7]. По замечанию критика в эссе 1883 г., в живописи до Блейка преобладает «бытовой материализм» как «конечная цель вселенной» [5, р. 408]. В истории литературы и искусства восприимчивость к чудесному чередуется с принятием мира как такового и наоборот. «Поэзия здравого смысла Драйдена и Поупа» уступает место поэзии Шелли, Колриджа и их последователей. Все искусства критик делит на две группы: «преимущественно символические» и те, что являются имитацией природы, названные Гёте «простым воспроизведением» [5, р. 410]. Романтическое искусство, по Уоттс-Дантону, утверждая приоритет духовного начала, признает единство духовного и плотского. Это открытие было сделано Блейком, оказавшим воздействие на Россетти. Блейк сумел представить управляющие всем «неявные сущности», «невидимые силы». По сути, Уоттс-Дантон вступает в полемику с Бьюкененом, обвинявшим Россетти в пристрастии к плоти. В ранних произведениях Россетти критик обнаруживает сочетание мистического и чувственного, неотделимого от аскетизма раннесредневекового искусства. Со временем мистическое начало стало доминировать во всем его творчестве, и он пришел к «спиритуализации плоти» [5, р. 412]. Для Россетти человеческое тело, как и всё в природе, «исполнено символизма». Телесная сущность человека становилась для него «символом духовной», в картинах он выражал то, что дано выразить поэзии, примером чего явились для Уоттс-Дантона "Astarte Syriaca" и «Небесная Подруга» [5, р. 412].

Кроме Блейка, Уоттс-Дантон отмечает воздействие на Россетти Кальдерона, «мистицизм которого затронул такую струну Россетти, которую не дано было затронуть даже Шекспиру». Больше, чем кто-либо из современников, Россетти обладал чувством романтического, а также знанием романтики. Автор «Земного рая» (то есть У. Моррис) лишен подлинной веры в сверхъестественное, у него нет «волшебного жезла» Россетти. Его предшественники Скотт и Колридж были еще «слишком близки к XVIII веку». «Кристабель» с ее «обаянием Средневековья», по объяснению Уоттс-Дантона, не была окончена, поскольку Колридж был связан «мирадами тонких нитей» с современной жизнью и мышлением, тогда как Россетти был «анахронизмом своего времени» [5, р. 415]. Если Колридж лишь в своем воображении верил в «стон прекрасной ведьмы у дуба, то Россетти действительно верил в это» [5, р. 415].

Уоттс-Дантон обнаруживает у Россетти проявление интереса лишь к четырем темам: «поэзия, живопись, средневековый мистицизм и женщина». Образ женщины, проходящий, за редкими исключениями, через все его творчество, был наделен психологическим смыслом, поэт и художник не был безучастен и к героической стороне женской натуры [5, р. 417].

Склонность Россетти к уединенной жизни Уоттс Дантон объясняет недостатком сочувствия, в котором нуждался его друг. Это могло бы компенсировать общение с природой, но Россетти был лишен любви к природе и «не доверял ее символам» [5, р. 418]. Уоттс-Дантон выражает несогласие с критиками, которые называли Россетти сторонником эстетизма, что вызывало недовольство и само-

го Россетти, с негодованием отвергавшего попытки связать его имя с Уайльдом и его кругом [2, vol. II, p. 175].

Мистика была основой его искусства, он был «рабом своего воображения» [5, p. 418], за что ему приходилось расплачиваться, поскольку он жил в «идеальном мире прекрасных грез», был лишен интереса к обыденным вещам. Ночные странствия по городу, из-за которых Россетти получил прозвище Харуна аль-Рашида из сказок «1001 ночи», были для него «спасением от грусти и скуки» [5, p. 421]. Будучи затворником, Россетти, как никто другой, был восприимчив «к магии и вододушевляющей силе большого города в ночи» [5, p. 421]. С сожалением упоминая о пристрастии Россетти к хлоралу, который помогал ему от бессонницы, Уоттс-Дантон называет заблуждением мнение критиков о том, что это средство способствовало ослаблению таланта его друга: «поэзия Россетти – свидетельство того, что до самого конца его гений оставался независимым от хлорала» [5, p. 421]. Подтверждением этому для автора эссе служит красочный и живой стиль Россетти, его удивительная способность восприятия. Собеседнику достаточно было начать предложение, как Россетти, сразу уловив мысль, уже готов был с ответом. Пристрастие Россетти к наркотику было преодолено, в чем ему понадобилась помощь друга, которому пришлось поселиться с ним в одном доме (Уоттс-Дантон намекает на самого себя) [5, p. 423]. На этом критик завершает эссе, признаваясь, что и без того превзошел отведенное ему пространство, хотя для него настолько интересен выбранный предмет, что ему кажется, будто он лишь начал говорить о Россетти.

Журнальная публикация Уоттс-Дантона не противоречила представлениям о биографическом жанре XIX в., отличительными чертами которого М. Б. Раренко называет «панегиричность и литературную бесформенность» [7, с. 55]. В «Правде о Россетти» собственно жизнеописание как такового Уоттс-Дантон не дает. В его эссе доминирует субъективный восторженный взгляд Уоттс-Дантона на друга, творчество которого и сама его личность служат подтверждением авторской идеи «возрождения чуда» в английской поэзии. Между тем еще С. Джонсон выступал против каждого биографа, у которого «благодарные или нежные чувства к своему герою возьмут верх над беспристрастностью и побудят его к сокрытию правды или даже к вымыслу» [8, с. 147]. Именно к таким биографам был отнесен Уоттс-Дантон. «Его ложь о Россетти в печати и в устной форме обеспечивает ему место в беллетристике» [9, p. 75], – писал один из современников критика. Негодование вызвало само название эссе «Правда о Россетти». Уоттс-Дантона упрекали во лжи, в замалчивании фактов, которые могли представить в негативном свете образ Россетти. По замечанию У. Фридмана, эти обвинения были небеспочвенны: первые биографы замалчивали три факта, касающиеся обстоятельств смерти жены Россетти, его взаимоотношений с Джейн Моррис, его душевного и физического надлома, приведшего его к попытке самоубийства в 1872 г. [9, p. 87]. Как и У. М. Россетти в мемуарах о брате, Уоттс-Дантон создавал «миф о Россетти» как непонятом гении, «поэте и художнике бесценных качеств и несравненного эстетического влияния» [9, p. 76].

Незадолго до смерти Уоттс-Дантон подготовил к печати книгу «Старые знакомые лица» (*“Old Familia Faces”*), опубликованную в 1916 г., когда его уже не было в живых. Вторую главу книги (представляющую собой еще одно эссе) автор посвятил Россетти. В первую часть главы полностью вошел некролог, ранее опубликованный в *“The Atheneum”*. В последующих трех частях Уоттс-Дантон отвергает обвинения во лжи, рассуждая при этом и о сущности биографического жанра. Автор выражает полное

согласие с утверждением Данте Габриэля о том, что «человек, наделенный талантом, так же не является достоянием публики, как и любой джентльмен» [10, р. 78]. По Уоттс-Дантону, чтобы не оскорбить память о мертвом и не нарушить покой живых, биография должна появиться лишь спустя годы, когда «утихнут ветер вокруг могилы умершего» [10, р. 78]. Оптимальным критик считает срок в тридцать лет. Биография в большей мере, чем любой другой литературный жанр, требует от автора «не только величайшей смелости, но и счастливого сочетания величайших дарований» [10, р. 78]. Допустив неточность в жизнеописании мифического Ахилла или Гектора, поэт нанесет урон искусству, но не оскорбит памяти мертвых и не нарушит покой живых [10, р. 79–80]. Собрав все факты, биограф должен понять, настало ли время предлагать миру правду. Он должен помнить о том, что человеческая жизнь настолько запутана и сложна, что правда, высказанная в неподходящий момент, может принести больший вред, чем погрешность. «Преклонение перед фактами, преклонение перед документами – это и величайшая глупость, и величайший порок нашего времени» [10, р. 80], – заключает Уоттс-Дантон.

Во второй и четвертой частях главы автор рассуждает о публикации писем творческих личностей, к чему он относится неодобрительно. Созданные по случаю, письма не дают представления о характере человека. О гении следует судить по его произведениям: «в сонете может быть больше искренности, чем в письме» [10, р. 82]. Вспоминая о том, что сам Россетти осознавал «предательство писем», Уоттс-Дантон считает сожжение писем выдающейся личности «долгом дружбы» [10, р. 83].

В свое время С. Джонсон критиковал биографов, не способных выбрать «наиболее существенные из собранных ими фактов», не видя, к примеру, никакой пользы в сведениях о «перебоях пульса» в биографии Аддисона [8, р. 146]. Уоттс-Дантон находит подобные примеры в письмах, объясняя это, однако, желанием издателей удовлетворить низменные вкусы публики, которая может не интересоваться стихами поэта при его жизни, но после его смерти жаждет прочесть письма, адресованные друзьям, родным, «мяснику и пекарю» [10, р. 103]. Среди опубликованных писем Россетти Уоттс-Дантон обнаруживает обращенную к одному из друзей просьбу занять тридцать шиллингов, не сомневаясь в том, что у широких читателей настроение Россетти, когда он просил взаймы тридцать шиллингов, вызовет больший интерес, чем сведение о том, в каком настроении писал его друг «Небесную Подругу» [10, р. 103]. Критик вспоминает, что однажды обнаружил в библиотечном экземпляре писем Колриджа подчеркнутое ногтем место, где поэт заказывает бобы к обеду. Заметив, что число читателей, которых интересуют бобы, «легион» в сравнении с теми, кто проявит интерес к «Кубла хану» или «Кристабели», Уоттс-Дантон делает иронический вывод: «Разве не разумен издатель, который уделяет внимание любимому овощу поэта?» [10, р. 104].

Не все факты достойны упоминания не только в письмах, но и в тексте биографии. Уважая стремление У. М. Россетти быть «ясным и понятным», критик не может признать увлекательным чтением сведения о том, за какую сумму и кому была продана та или иная картина его брата. Гораздо интереснее читать о том, как создавались картины, какие жизненные эпизоды способствовали появлению поэтических произведений или удачных образов. В своих рассуждениях Уоттс-Дантон приводит многочисленные примеры. Так, он вспоминает, что по совету врачей Россетти отправился к морю, выбрав Богнор, потому что неподалеку от этого места когда-то находился дом Блейка. Очарованный морем, его друг придумал сюжет поэмы «Белый корабль». Дух романтики, обитающий в этих

местах, помог ему завершить “Astarte Syriaca” и «Небесную Подругу». Здесь же зимой во время ночной прогулки он обратил внимание на отблески лунного света на снежном покрове, и таким образом в «Белом корабле» появился образ «огня на снегу» [10, р. 96].

Каждый биограф, по мысли Уоттс-Дантона, «такой же выдумщик», как и романист, и после смерти лицо выдающееся «отдается на милость того, кто пишет о его жизни» [10, р. 106]. Поэтому Александр Великий – такой же плод вымысла, как Ахилл, Макбет или мистер Пиквик. Но поэт «на протяжении всей жизни создает свой собственный портрет» [10, р. 106]. На эту черту, отмеченную Уоттс-Дантоном, обращает внимание Ю. М. Лотман: «Писатели начала XIX века не просто живут, а создают себе биографии. Теория романтизма и пример Байрона оказываются здесь исключительно благоприятными параллельными импульсами» [11, с. 371]. Но Уоттс-Дантон не случайно называет своего друга романтиком имея в виду одновременно его жизнь и творчество. В. М. Жирмунский обнаруживает продолжение романтической традиции на протяжении всего XIX столетия, примером чему ученому служит эссе Уоттс-Дантона «Возрождение чуда», а также творчество прерафаэлитов [12, с. 199]. Для Уоттс-Дантона личность поэта раскрывается, прежде всего, не в его внешних проявлениях, а в его произведениях, поэтому представление о нем будет «правдивым и жизненным» в зависимости от знакомства с его творчеством [10, р. 106].

Уоттс-Дантон выражает удовлетворение, что «величайший поэт» Шекспир остается «непотревоженным» благодаря тому, что сохранились самые скудные сведения о его жизни, сожалея лишь о том, что не уничтожено завещание с упоминанием о «второго качества кровати» [10, р. 107]. Лишь немногие писатели (как Лэм или Байрон), по мысли критика, смогли в полной мере проявить свой талант в эпистолярной форме, некоторые из писем Китса или Колриджа не стоило публиковать. Что касается Россетти, то из его корреспонденции читатель получит лишь «скудное» (“feeble”) представление о нем самом [10, р. 107].

Обладая особой магией, Россетти был подлинным романтиком и в жизни, и в творчестве. Уоттс-Дантон вспоминает, как однажды во время званого вечера звук одного лишь имени Россетти, произнесенного в частной беседе лордом Лейтоном, заставил мгновенно умолкнуть гул голосов: всем хотелось знать что-то «о таинственном поэте и художнике» [10, р. 110]. Но через сорок восемь часов после его смерти «многоголовый зверь предъявил свои права» [10, р. 110]. Появилась статья в одной из ведущих газет о пристрастии Россетти к хлоралу, и это разрушило романтический ореол. Предполагая, что читатель может решить, будто прежнее представление о Россетти было ложным, а новое истинным, Уоттс-Дантон уверен в обратном: правдивым был романтический портрет Россетти, существующий в сознании публики, фальшивым стал новый.

Уоттс-Дантон приводит факты биографии Россетти, которые представляются ему наиболее значительными. Он упоминает о пристальном интересе Россетти к творчеству современников, о его визитах в магазин Ямбаха, у которого он приобретал экзотических животных. Обрисован и распорядок дня Россетти, который вставал очень поздно, после завтрака работал до конца дня, а ночами предавался прогулкам по Лондону, который он знал не хуже Диккенса. Обладая драматическим талантом, он был одним из лучших рассказчиков своего времени. Критик упоминает и об обыкновении Россетти создавать прозаические наброски (по его определению, «картоны»), которые он позже превращал в поэтические произведения.

В заключении главы автор выражает благодарность издателю за помощь в восстановлении подлинного портрета человека, который более других страдал от «злой и недоброжелательности врагов и еще более злобного неблагоприятия некоторых из его друзей» [10, р. 119].

В эссе, посвященных другу, Уоттс-Дантон предлагает свою концепцию биографии. Биограф, по его убеждению, должен тщательно сортировать факты, отдавая предпочтение лишь тем, что связаны с творчеством, с природой таланта его героя, исходя из того, что правдивая история жизни гения заключена в его произведениях. Следует помнить и о нравственных границах жанра, чтобы не очернить память о мертвых и не смутить покой живых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Pre-Raphaelites in Literature and Art / ed. by D. S. R. Welland. Freeport, New York: Books for Libraries Press, 1969. 215 p.
2. Hake T., Compton-Rickett A. The Life and Letters of Theodore Watts-Dunton. In 2 vol. L.: T. C. & E. C. Jack, Limited; N. Y.: G. P. Putnam's Sons, 1916.
3. Rossetti W. M. Dante Gabriel Rossetti. His Family-Letters, With a Memoir. L.: Ellis and Elvey, 1895. 490 p.
4. Watts-Dunton T. Mr. D. G. Rossetti // The Athenaeum. No. 2842 (April 1882). P. 480–482. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uiug.30112042709953&seq=496&q1=p.480-482> (дата обращения: 05.04.2025).
5. Watts-Dunton T. The Truth About Rossetti // The Nineteenth Century. March 1883. No. XIII. P. 404–433. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=nyp.33433115515318&seq=435&q1=Rossetti&start=1> (дата обращения: 05.04.2025).
6. Watts-Dunton T. Aylwin. USA: Alpha Editions, 2022. 376 p.
7. Раренко М. Б. Биография: эволюция и гибридизация жанра: Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2017. 68 с.
8. Джонсон С. О пользе биографии // Босуэлл Д. Жизнь Сэмюэла Джонсона. Отрывки из книги с приложением избранных произведений Сэмюэла Джонсона. М.: Текст, 2003. С. 143–147.
9. Fredeman W. E. Prelude to the last decade: Dante Gabriel Rossetti in the Summer of 1872 // Published by Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester, 1971. P. 75–121. URL: <https://www.jstor.org/stable/community.28211943?seq=1> (дата обращения: 05.04.2025).
10. Watts-Dunton T. Dante Gabriel Rossetti // Old Familia Faces. N. Y.: E. P. Dutton and Company, 1916. P. 69–119.
11. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 365–376.
12. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Аксиома: Новатор, 1996. XL + 232 с.

REFERENCES

1. The Pre-Raphaelites in Literature and Art. Ed. by D. S. R. Welland. Freeport, New York: Books for Libraries Press, 1969. 215 p.
2. Hake T., Compton-Rickett A. The Life and Letters of Theodore Watts-Dunton. In 2 vol. L.: T. C. & E. C. Jack, Limited; N. Y.: G. P. Putnam's Sons, 1916.
3. Rossetti W. M. Dante Gabriel Rossetti. His Family-Letters, With a Memoir. L.: Ellis and Elvey, 1895. 490 p.
4. Watts-Dunton T. Mr. D. G. Rossetti. The Athenaeum. No. 2842 (April 1882), pp. 480–482. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uiug.30112042709953&seq=496&q1=p.480-482> (accessed: 05.04.2025).

5. Watts-Dunton T. The Truth About Rossetti. *The Nineteenth Century*. March 1883, No. XIII, pp. 404–433. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=nyp.33433115515318&seq=435&q1=Rossetti&start=1> (accessed: 05.04.2025).
6. Watts-Dunton T. *Aylwin*. USA: Alpha Editions, 2022. 376 p.
7. Rarenko M. B. *Biografiya: evolyutsiya i gibrizatsiya zhanra: Analiticheskiy obzor*. Moscow: INION RAN, 2017. 68 p.
8. Johnson S. O polze biografii. In: Boswell J. *Zhizn Semyuela Dzhonsona. Otryvki iz knigi s prilozheniem izbrannykh proizvedeniy Semyuelya Dzhonsona*. Moscow: Tekst, 2003. Pp. 143–147.
9. Fredeman W. E. Prelude to the last decade: Dante Gabriel Rossetti in the Summer of 1872. Published by Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester, 1971. P. 75–121. Available at: <https://www.jstor.org/stable/community.28211943?seq=1> (accessed: 05.04.2025).
10. Watts-Dunton T. Dante Gabriel Rossetti. In: *Old Familia Faces*. N. Y.: E. P. Dutton and Company, 1916. P. 69–119.
11. Lotman Yu. M. Literaturnaya biografiya v istoriko-kulturnom kontekste (K tipologicheskomu sootnosheniyu teksta i lichnosti avtora). In: Lotman Yu. M. *Izbrannye statyi*. In 3 vol. Tallinn: Aleksandra, 1992. Vol. 1. Statyi po semiotike i tipologii kultury. Pp. 365–376.
12. Zhirmunskiy V. M. *Nemetskiy romantizm i sovremennaya mistika*. St. Petersburg: Aksioma: Novator, 1996. XL + 232 c.

Соколова Наталья Игоревна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: sokol.n@list.ru

Sokolova Natalia I., ScD in Philology, Full Professor, Professor, World Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: sokol.n@list.ru

Кузнецова Анна Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: an_kuznetsova@mail.ru

Kuznetsova Anna I., PhD in Philology, Assistant Professor, World Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: an_kuznetsova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.04.2025

The article was received on 27.04.2025